

Научная статья

УДК 811.13

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-162-170

EDN: USYVOL

Время и Сознание в некоторых произведениях Х. Л. Борхеса в языковом и культурологическом аспектах

Михаил Сергеевич Бурак

Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А

bertran4442000@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8204-8213>

Аннотация. Данное исследование посвящено попытке осмысления категорий «время» и «сознание» на материале ряда произведений Х. Л. Борхеса. Прежде всего, речь идёт о рассказе «Сад расходящихся тропок» и об эссе «Новое опровержение времени». Первый содержит многочисленные пласты разного уровня и предоставляет возможности для широкого диапазона трактовок. Второе являет собой органичное сочетание нескольких стилей и жанров. В рамках его анализа представляется возможным сопоставление отдельных фрагментов с двумя произведениями русской литературы малого жанра. Рассматриваемые в статье произведения описывают многогранность нашего сознания и его парадоксальную природу. Последняя непосредственно связана в том числе с восприятием времени. Х. Л. Борхес в заключении «Нового опровержения времени», в котором им были представлены доказательства его метафизического «несуществования», говорит о своём бессилии перед его неумолимым ходом. В рассказе «Сад расходящихся тропок» автор представляет время как лабиринт с разветвлённой структурой, в рамках которой оказывается возможным одновременное существование всех вариантов развития событий. Многочисленные возможности трактовки этого рассказа связаны с присутствием в нём литературно-философского интертекста. Принцип «китайской шкатулки» (повествование внутри повествования, лабиринт в лабиринте), интертекст и мотив вторжения в чужой мир вносят свою лепту в создание особого хронотопа с многослойной символикой. Рассмотренные в статье произведения ставят перед читателем глобальные проблемы философского характера и заставляют задуматься об уникальности каждого мгновения. Осознанность, присутствие в данном моменте признаётся Борхесом одним из главных принципов бытия. Данная статья может представлять интерес для всех, кто занимается междисциплинарными исследованиями на стыке литературы, философии и культурологии.

Ключевые слова: время; сознание; хронотоп; лабиринт; существование; интертекст; многослойная символика

Для цитирования: Бурак М. С. Время и Сознание в некоторых произведениях Х. Л. Борхеса в языковом и культурологическом аспектах // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 162–170. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-162-170>. <https://elibrary.ru/USYVOL>

Original article

Time and Consciousness in some works of H. L. Borges in linguistic and cultural aspects

Mikhail S. Burak

Candidate of philological sciences, associate professor of the department of romance-germanic philology and translation, St. Petersburg state university of economics. 191023, St. Petersburg, Griboedov canal embankment, 30-32, lit. A
bertran4442000@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8204-8213>

Abstract. This study is an attempt to comprehend the categories of «time» and «consciousness» on the material of some works by J. L. Borges. First of all, they are the story «The Garden of Forking Paths» and the essay «A New Refutation of Time». The former contains numerous layers of different levels and provides opportunities for a wide range of interpretations. The latter is an organic combination of several styles and genres. As part of the analysis it seems possible to compare certain fragments with two works of Russian literature of the minor genre. The works discussed in this article describe the complexity of our consciousness and its paradoxical nature. The latter is directly related, among other things, to the perception of time. In the conclusion of The New Refutation of Time, where he presented evidence

for its metaphysical «non-existence», J. L. Borges speaks of his powerlessness in the face of its inexorable course. In *The Garden of Forking Paths*, the author presents time as a labyrinth with a ramified structure, within which the simultaneous existence of all variants of event developments is possible. Numerous possibilities for interpreting this story are related to its literary and philosophical intertext. The Chinese box principle (narrative within narrative, a labyrinth within a labyrinth), the intertext and the motif of intrusion into an alien world all contribute to the creation of a special chronotope with multilayered symbolism. The works reviewed in this article pose global problems of a philosophical nature and make the reader think that every moment is unique. Consciousness, presence in the given moment, is recognized by Borges as one of the main principles of being. This article may be of interest to those dealing with interdisciplinary research at the intersection of literature, philosophy, and cultural studies.

Key words: time; consciousness; chronotope; labyrinth; existence; intertext; multilayer symbolism

For citation: Burak M. S. Time and Consciousness in some works of H. L. Borges in linguistic and cultural aspects. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):162–170. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-162-170>. <http://elibrary.ru/USYVOL>

Введение

Данное исследование посвящено попытке осмысления категорий *время* и *сознание* на материале некоторых произведений Х. Л. Борхеса. В статье рассматриваются рассказ «Сад расходящихся тропок» и эссе «Новое опровержение времени». Выбор данных произведений обусловлен широким спектром проблем. Интерес к ним усиливается за счёт их пограничного положения в кругу нескольких дисциплин: философии, культурологии, литературы. Рассказ «Сад расходящихся тропок» содержит многочисленный ряд пластов разного уровня и предоставляет возможности для широкого диапазона трактовок. Эссе «Новое опровержение времени» являет собой органичное сочетание нескольких жанров и стилей. В рамках его анализа нам представляется возможным сопоставление отдельных фрагментов с двумя произведениями русской литературы малого жанра.

Х. Л. Борхес является блестящим знатоком мировой культуры, что сочетается в его творчестве с символично-мифологическим видением мира, отношений героев, ситуаций.

По справедливому наблюдению В. Е. Багно, если бы земная цивилизация была бы в основном уничтожена, то по творчеству Х. Л. Борхеса можно было бы получить некоторое представление об истории её культуры [Багно, 1992, с. 21].

В ряде рассказов, таких как «Сад расходящихся тропок», «Вавилонская библиотека», «Алеф» и в некоторых других, автором предпринимаются попытки художественного описания устройства мира и Вселенной. Идеи о бесконечности времён, сходящихся, расходящихся и параллельных друг другу («Сад расходящихся тропок»), бесконечность Вселенной, которой присуще циклическое самоповторение и принцип периодичности в «упорядоченном хаосе» («Вавилонская библиотека») – всё это перестаёт быть просто художе-

ственным вымыслом в свете новейших достижений науки.

Основные принципы подхода Борхеса к осмыслению реальности – притча, символ и миф. Здесь есть место предопределению, но также индивидуальной воле, силе духа. Эти мотивы повторяются в разных рассказах автора, преломляясь каждый раз в новом свете.

В частности, в «Розе Парацельса» Парацельс отрекается от своей славы, предпочитая прослыть недостойным в глазах профана Гризебаха, неготового к изучению алхимии. Последний исполнен ложного смирения. Он хочет положить весь остаток жизни на алтарь чистого искусства в обмен на демонстрацию Мастером чуда. Он просит принять его в ученики, бросая в камин розу, и требуя её немедленного воскрешения из пепла. Парацельс отказывается это сделать, рискуя прослыть жалким, а розу воскрешает лишь тогда, когда Гризебах удаляется. В самом начале рассказа Парацельс молит Бога послать ему ученика. Но он готов вернуться к своему одиночеству ради сохранения чистоты души и творческих помыслов. Сила духа помогает ему смириться и не поддаться искушению власти и славы [Борхес, 1992; Borges, 1998].

В рассказе «Юг» главный герой Далман – библиотекарь. Его друзья – книги. Благодаря нелепой случайности он получает травму, попадает в больницу, терпит агонию, но всё-таки выживает. От реальности он предпочитает отгораживаться книгой, живя в созданном им мире иллюзий, что не может уберечь его от судьбы. Его провоцирует на драку агрессивно настроенный гаучо (аргентинский бандит-ковбой). Зная местные обычаи и следуя законам чести, Далман не может отступить. Едва владея ножом, он идёт на верную смерть и принимает ситуацию с достоинством и мужеством. В последний миг он понимает, что, если бы у него был выбор умереть в больнице или на поле боя, он предпочёл бы по-

следнее [Борхес, 1992; Borges, 1980].

Антитеза: «творчество-уничтожение» присутствует и в рассказе «Сад расходящихся тропок». Беззаветная преданность делу противопоставляется здесь авантюризму низкой идеи. Одним их героев рассказа является учёный-эрудит высшего порядка. Подобно Парацельсу из «Розы Парацельса» он олицетворяет собой Время. Но, как Далман из рассказа «Юг», он гибнет от злой руки.

Сад расходящихся тропок. Сюжет

Действие происходит во время Первой Мировой Войны. Главный герой Ю Цун – немецкий шпион китайского происхождения, находящийся в Англии с секретным заданием. Бывший учитель английского языка у себя на родине Ю Цун, становится шпионом на службе у страны, обречённой на унижение. Ю Цун, человек образованный и способный оценить прекрасное, оказывается неспособным к постижению духовной свободы собственного «я». Мотивацией к убийству учёного-китаиста, ни в чём неповинного человека, оказывается для Ю Цуна возможностью доказать шефу в Берлине, что он, китаец, может быть ему полезным. Имя учёного Альбер указывало на название города, по которому Германии нужно было нанести удар. Единственной возможностью сообщить необходимую информацию в условиях близкого и неизбежного ареста явилось для главного героя Ю Цуна его преступление, о котором шеф узнал из газет.

Таким образом, уважение и преклонение перед Стивеном Альбером, который явился для Ю Цуна «равным самому Гёте», было принесено в жертву низкой идее [Борхес, 1992; Borges, 1980].

В противовес ей в рассказе звучит фраза из романа, написанного прадедом Ю Цуна, Цюй Пэном, романа, который был тщательно изучен Альбером. В преддверии близкой смерти (о которой Альбер не догадывается) он читает Ю Цуну строки, которые, на наш взгляд, являются ключевыми для понимания рассказа Борхеса, так как относятся к любому из возможных времён, к любой из возможных реальностей, описываемых в романе Цюй Пэна, а главное, повествуют о стезе воина. «Помню заключительные слова, повторявшиеся в обоих вариантах как тайная заповедь: „Так, с ярыми клинками и спокойствием в несравненных сердцах, сражались герои, готовые убить и умереть”» [Борхес, 1992, с. 159].

Примечательно, что Борхес облакает эту мысль в форму парадокса. В оригинале отрывок звучит так: «*Recuerdo las palabras finales, repetidas*

en cada redacción como un mandamiento secreto: „Así combatieron los héroes, tranquilo el admirable corazón, violenta la espada, resignados a matar y a morir”» [Borges, 1980, с. 135]. Слово *resignado* означает буквально «покорный, смиренный». Глагол *resignarse* традиционно связан в сознании испаноговорящих с религиозным чувством или с покорностью обстоятельствам. В данном же случае лексема *resignado* выступает в значении, несовместимом с пассивной ролью. Как прилагательное, она выражает качество бойца-стойка. Как страдательное причастие – отражает состояние людей, ежеминутно рискующих жизнью.

Наглядное подтверждение этому мы находим в строках романа Цюй Пэна, соответствующих двум вариантам одной эпической главы. «*В первом из них воины идут в бой по пустынному нагорью. Под страхом обвала, среди ночного мрака жизнь немногочисленной армии стоит, они не думают о себе и без труда одерживают победу. Во втором те же воины проходят по дворцу, где в разгаре праздника; огни боя кажутся им продолжением праздника, и они снова одерживают победу*» [Борхес, 1992, с. 158]. «*En la primera, un ejército marcha hacia una batalla a través de una montaña desierta; el horror de las piedras y de la sombra le hace menospreciar la vida y logra con facilidad la victoria; en la segunda, el mismo ejército atraviesa un palacio en el que hay una fiesta; la resplandeciente batalla le parece una continuación de la fiesta y logran la victoria*» [Borges, 1980, с. 134].

Сочетание *la resplandeciente batalla* (букв. «блистательный бой») является здесь первым субъектом действия. Именно в субъективном восприятии воинов, в их сознании этот бой отождествляется с праздником. При этом как воину, сражающемуся с оружием в руках, так и учёному присуще сочетание особого рода аскезы – самоотречения во имя правого дела и ощущения радости правого боя. В этой связи вероломство Ю Цуна, его убогое честолюбие являет собой резкий контраст по отношению к героизму воинов духа.

Неслучайным представляется использование в фабуле рассказа излюбленного Борхесом приёма зеркального отражения. По иронии судьбы прадед Ю Цуна – Цюй Пэн – великий писатель и мистификатор гибнет от руки чужестранца. А через много лет правнук жертвы на другом конце земли убивает Альбера – переводчика и «второго создателя» труда Цюй Пэна [Борхес, 1992; Borges, 1980].

Трагедия, отражённая в фабуле произведения, имеет многоуровневый характер. Одна из граней – безвременье, в которое впадает мир, «вывернутый наизнанку» и как бы вновь поглощённый изначальным хаосом. Нам представляется уместной здесь подобная аллегория именно потому, что Борхес был блестящим знатоком мифологии.

В «Саду расходящихся тропок» развитие действия происходит сквозь время, отражённое непосредственно в сознании героя, и сопровождаемое его интроспекцией. Здесь мы наблюдаем особый хронотоп [Бахтин, 1975]. Рассказ ведётся только от лица Ю Цуна, но при незримом присутствии автора в его монологе. Для Борхеса важно ощущение себя в другом и другого в себе. Героизм и трусость красной нитью проходят через всё его творчество. И каждое проявление человеческой воли или безволия реализуется во времени.

В этой связи представляет особый интерес его эссе под названием «Новое опровержение времени». По мысли автора вся совокупность философских учений, призванных отринуть Время как категорию, как реальность, всё же отступает перед необходимостью признания его существования в сознании людей [Борхес, 2005; Borges, 1952]. Рассмотрение основных идей, изложенных в данном труде, представляется значимым в том числе для трактовки понятий «время» и «сознание» в рассказе «Сад расходящихся тропок».

«Новое опровержение времени».

Основные идеи

В рамках эссе «Новое опровержение времени» автор причудливо соединяет изложение философских учений с поэтико-символическим ощущением реальности. Речь идёт, прежде всего, о доктринах Дж. Беркли и Д. Юма. Для Борхеса представляются значимыми, в частности, категории: «пространство», «восприятие», «бытие», «идентичность» [Борхес, 2005; Borges, 1952].

Говоря о Беркли, Борхес отмечает: «Все гимны небес и всё земное, всё могущество Вселенной не существует вне мысли, вне восприятия какого-либо субъекта. Ничто не может быть вне сознания, ибо всё – в сознании предвечного Духа» (перевод наш – М. Б.). «Todo el coro del cielo y los aditamentos de la tierra – todos los cuerpos que componen la poderosa fábrica del universo – no existen fuera de una mente, no tienen otro ser que ser percibidos, no existen cuando no los pensamos, o solo existen en la mente de un Espíritu Eterno» [Borges, 1952, с. 113]. Сочетание *la poderosa fábrica del universo* (букв. «могущественная фабрика Вселен-

ной») с формально-лингвистической точки зрения представляет собой «вещественную единицу», что подтверждается исчисляемостью существительного *fábrica*. Однако, понятие *fábrica* может рассматриваться не только как сугубо повседневный, материальный, производственный термин, но и как характеристика «производства» как творческого процесса. У Борхеса смысл данного оборота непосредственно связан с циклом сотворения пространства и времени. И далее: «Беркли отрицал пространство как абсолютную категорию» (перевод наш – М. Б.) [Berkeley, 1710; Borges, 1952]. «Berkley negó el espacio absoluto» [Borges, 1952, с. 114].

Затем Борхес говорит о том, что оба философа (Юм и Беркли) утверждают наличие Времени как явления реально существующего. Для Беркли это – последовательный, равномерно текущий поток мыслей, которому мы все сопричастны [Борхес, 2005; Berkeley, 1710; Borges, 1952]. Для Юма – последовательность сменяющих друг друга неразличимых мгновений, иначе говоря, «пучок» или связка (исп. *atadura*, англ. *bundle*) впечатлений, ощущений, моментов восприятия, следующих друг за другом [Борхес, 2005; Hume, 1739; Borges, 1952].

Беря за основу вышеизложенное, Борхес рассуждает следующим образом: «No hay detrás de las caras un yo secreto, que gobierna los actos y que recibe las impresiones; somos únicamente la serie de esos actos imaginarios y de esas impresiones errantes» [Borges, 1952, с. 115]. «Не существует таинственного „я“, которое управляет нашими действиями и воспринимает впечатления. Мы – лишь серия этих воображаемых действий или неопределённых впечатлений...» (перевод наш – М. Б.). «Errante» дословно с испанского – «блуждающий», что также подчёркивает основную идею оригинальной цитаты. «Pero negada la materia, negado también el espacio que son continuidades, no sé que derecho tenemos a esa continuidad que es el tiempo» [Borges, 1952, с. 115]. «Но отринув материальную субстанцию, отринув пространственный континуум, имеем ли мы право на признание Времени, тоже континуума?» – спрашивает читателя Борхес (перевод наш – М. Б.) [Borges, 1952].

При этом автор неизменно склоняется к восприятию момента времени как события. В связи с этим обращают на себя внимание яркие эпитеты, используемые Борхесом при описании воображаемого сна и воображаемого пробуждения Гекельберри Финна, героя М. Твена. «La balsa

Perdida en la tiniebla parcial» [Borges, 1952, с. 115] – «Плот, поглощённый зыбким туманом» (букв. «потерянный в зыбком тумане») (Перевод наш – М. Б.). «El manso ruido infatigable del agua» [Borges, 1952, с. 115] – «Тихий и неумолчный плеск воды в реке» (Перевод наш – М. Б.).

Продолжая предыдущие мысли, автор говорит о том, что субъективные состояния человеческого сознания определяют уникальность каждого момента вне зависимости от моментов предшествующих и последующих. Поэтому, любые действия, направленные на изменение отношения к прошлому, или наказание или прощение или любая форма воздаяния, – всё это не может изменить самого события. Оно было и ушло. Однако, человеческое сознание способно моделировать его последующее восприятие [Борхес, 2005; Borges, 1952].

Следуя той же логике, Борхес говорит о том, что нелепыми и необоснованными представляются страхи и надежды в отношении событий будущих. Ибо мы – не прошлое и не будущее, но настоящее в каждом мгновении. Вся история Вселенной состоит из тысячных долей секунды, каждая из которых – есть настоящее своего момента. Иными словами, не существует и самой истории, есть лишь данное мгновение [Борхес, 2005; Borges, 1952].

С другой стороны, если в сознании двух людей, которые не знают друг друга, происходит нечто схожее в идентичной ситуации и они переживают «одинаковые моменты», это – есть ни что иное, как единый момент «нелинейного» времени. Например, утверждает Борхес, два поклонника Шекспира в момент чтения одной и той же строфы из его произведения порознь друг от друга, как бы становятся единым целым с автором и друг с другом [Борхес, 2005; Borges, 1952].

Моменты тождества в субъективном восприятии мира, когда время замирает, описаны в мировой литературе. Апеллируя к русской литературе малого жанра, можно упомянуть, в частности, рассказ Вересаева «Загадка», отрывок из которого мы ниже приводим.

«...Звуки лились робко, неуверенно. Они словно искали чего-то, чего выразить были не в силах. Не самую мелодией приковывали они к себе внимание – её в строгом смысле даже и не было, а именно этим исканием, томлением по чём-то другому, что невольно ждалось впереди. „Сейчас уж будет настоящее“, – думалось мне. А звуки лились всё так же неуверенно и сдержанно. Изредка мелькнёт в них что-то – не мелодия, лишь обры-

вок, намёк на мелодию, – но до того чудную, что сердце замирало. Вот-вот, казалось, схвачена будет тема, – робкие ищущие звуки разольются божественно спокойною торжественной неземною песнью. Но проходила минута, и струны начинали звенеть сдерживаемыми рыданиями: намёк остался непонятным. Великая мысль, мелькнувшая на мгновение, исчезла безвозвратно. Что это? Неужели нашёлся кто-то, кто переживал теперь то же самое, что я? Сомнения быть не могло: перед ним эта же ночь стояла такою же мучительною и неразрешимою загадкою, как передо мной» [Вересаев, 1987, с. 6].

В конце первой части своего эссе Борхес говорит о том, что все катастрофы мира и Вселенной – есть одна большая боль, иллюзорно отражённая во множестве зеркал [Борхес, 2005; Borges, 1952].

Тит Лукреций Кар по наблюдению Борхеса приписывает Анаксагору доктрину подобия части целому: золото состоит из мельчайших песчинок, время также состоит из частичек времени [Борхес, 2005; Borges, 1952; Lucretius 1931].

В рассказах Борхеса, однако, далеко не все формально равные друг другу отрезки времени тождественны по сути. В субъективном восприятии героя некоторые минуты могут длиться очень долго. В качестве примера можно привести ту же «Розу Парацельса», где миг ожидания Гризебахом ответа Парацельса на требование первого воскресить розу казался бесконечным [Борхес, 1992; Borges, 1998].

Также можно привести пример из рассказа «Тайное Чудо». Главный герой драматург Яромир Хладик, ожидающий расстрела, молит Бога об ещё одном годе жизни для окончания своей драмы. И Господь дарует ему этот год. Несколько секунд между молитвой и расстрелом в сознании героя превращаются в год. Он успевает мысленно закончить произведение. Следующий миг возвращает его к окружающей действительности. Его убивают [Борхес, 1992; Borges, 1995].

Во второй части эссе Борхес приводит отрывок из своего рассказа «Чувство смерти». Он описывает свои переживания, связанные с идентичностью ощущений в двух ситуациях с промежутком в 30 лет. Речь идёт о моменте пребывания в одном и том же месте поздним вечером, «окутанным магией розового цвета и словно убаюканным пением цикад» (Перевод наш – М. Б.). Автор чувствует себя отвлечённым наблюдателем мира («Percibidor abstracto del mundo») [Borges, 1952, с. 119] и как будто умершим и парящим над Вечностью и Вселенной [Борхес, 2005; Borges, 1952].

Заметим, что в субъективном восприятии автора или героя идентичность двух похожих событий совместима у Борхеса с временной разностью астрономически равных друг другу отрезков времени. В обоих случаях время трансформируется или просто «исчезает».

Возвращаясь к «Новому опровержению времени», Борхес приводит далее китайскую легенду о сне философа Чжуан-Цзы. Согласно ей, Чжуан-Цзы, живший около двадцати четырёх веков назад, увидел себя во сне бабочкой. Проснувшись, он не знал, является ли человеком, который вообразил себя бабочкой или бабочкой, которой в этот момент снилось, что она – человек [Борхес, 2005; Borges, 1952; Zi 1889]. Как отмечает Борхес, согласно доктрине Беркли в момент сна не существовало ни тела Чжуан-Цзы, ни спальни, но лишь отвлечённое восприятие в сфере Божественного разума. В рамках доктрины Юма сущностными были краски сна и факт осознания себя бабочкой. Разум Чжуан-Цзы представлял собой пучок впечатлений. Событие представляло собой процесс сновидения при отсутствии субъекта-сновидца и объекта, то есть содержания сна. Всё это помещает сон Чжуан-Цзы вне линейно выстроенного времени [Борхес, 2005; Borges, 1952].

В связи с темой сна и его отождествлением с реальностью, приходит на память рассказ И. А. Бунина, который тоже глубоко интересовался восточной философией, «Сны Чанга». У Бунина Чанг является в каждой момент времени только животным (собакой). Однако, здесь и в произведении Борхеса прослеживается общее. Каждый момент сна Чанга неотделим от восприятия хозяина, окружающего мира и себя в нём. Явь и сон, прошлое и настоящее смешиваются в его сознании. Тем самым и здесь нарушается линейное течение времени [Бунин, 1978].

Возвращаясь к эссе «Новое опровержение времени», Борхес, используя диалектику Беркли, и даже в большей степени Юма, утверждает: «Единственно в настоящем заключён акт воли (Перевод наш – М. Б.)». «La forma de la aparición de la voluntad es solo el presente» (букв. «форма появления воли есть лишь настоящий момент времени») [Borges, 1952, с. 123]. С нашей точки зрения, Борхес подчёркивает данной формулировкой высказанную ранее мысль об отсутствии сущностного «я» при принятии человеком решения или в момент восприятия информации или «проживания» события. Эта испанская цитата также служит примером воплощения философско-психологической сентенции лингвистически-

ми средствами (именная трёхчастная синтагма в качестве субъекта и субстантивированное прилагательное «настоящий» в качестве именной части предиката). Настоящее, так или иначе, составляет основу жизни. К такому же выводу приходит главный герой рассказа «Сад расходящихся тропок» Ю Цун.

«Сад расходящихся тропок». Идея Лейбница, философия Блаженного Августина, концепция Борхеса

Согласно наблюдению Х. П. Мелендес-Пантоха, в данном произведении Борхес черпает вдохновение в учении Лейбница о множественности миров и в «Исповеди» Св. Августина [Pantoja Meléndez, 2012].

Согласно Лейбницу, из всех возможных миров в реальности воплощается наилучший. [Leibniz, 1972; Moulines Ulises 1999]. Как отмечает С. Матеос, в отличие от него, Борхес устами Стивена Альбера моделирует ситуацию, при которой все возможные варианты развития событий реализуются одновременно [Борхес, 1992; Borges, 1980; Mateos, 1998].

Х. П. Мелендес-Пантоха также обращает внимание на сопряжённость и созвучие концепций Борхеса и Св. Августина [Pantoja Meléndez, 2012; San Agustín, 2010]. У Св. Августина непознаваемость природы времени связана с иллюзорностью ощущения линейной последовательности: прошлое–настоящее–будущее. Время у него принимает вид лабиринта, прерывается и исчезает, как только мы хотим определить его истинный характер [Pantoja Meléndez, 2012; San Agustín, 2010]. Как и Св. Августин, Борхес отмечает важность текущего момента.

Рассказ «Сад расходящихся тропок» представляет очередной парадокс человеческого сознания. С точки зрения восприятия времени главным героем, мы наблюдаем его единство, так как решение, принятое Ю-Цуном, непреклонно. Ход времени для него становится необратимым, меняются лишь оттенки.

С точки зрения отражения времени в самом повествовании нам представляется уместным разделить его на отдельные отрезки. С известной долей условности здесь применима теория концептуальной интеграции М. Тёрнера и Ж. Фоконье [Fauconnier, 2002]. Ментальные пространства в данном случае будут проецироваться на пространства физические. 1) Квартира Ю-Цуна – пространство принятия решения, ощущения «здесь и сейчас». 2) Экипаж (кэб) – пространство

жалкого беглеца. 3) Поезд – пространство «игры с судьбой». 4) Дорога к дому Стивена Альбера – пространство иллюзии и «отвлечённого наблюдения». К. Мулинес Улисс обращает внимание читателя на сочетание «отвлечённый наблюдатель мира» (*Percibidor abstracto del mundo*), также используемое Борхесом в «Новом опровержении времени» [Borges, 1952; Borges 1980; Moulines Ulises 1999]. Ю Цун поглощён таинственной и тихой магией вечерней природы и размышлениями о лабиринте своего прадеда Цюй Пэна. 5) Дом Стивена Альбера – пространство «над временем» или «вне времени». Интеллектуальный диалог с уходом в иллюзорный мир романа-лабиринта Цюй Пэна. 6) Наконец, роман Цюй Пэна – пространство альтернативного хронотопа.

В качестве интеграта, согласно терминологии М. Тёрнера и Ж. Фоконье [Fauconnier, 2002], нам представляется уместной фраза Ю Цуна: «Solo en el presente ocurren los hechos» [Borges, 1980, с. 125]. «Только в настоящий момент времени происходят события» (Перевод наш – М. Б.).

Завершая исследование, мы бы хотели сказать несколько слов о глубоко личных переживаниях Борхеса, напрямую высказанных в двух его произведениях и связанных в нашем понимании со страхом смерти.

В самом конце «Нового опровержения времени» он говорит следующее.

«El tiempo es un río que me **arrebata**, pero yo soy el río; es un tigre que me destroza, pero yo soy el tigre; es un fuego que me consume, pero yo soy el fuego» [Borges, 1952, с. 124]. «Время – река, которая уносит меня, но эта река – я сам; тигр, который пожирает меня, но этот тигр – я сам; огонь, который меня пепелит, но этот огонь снова я» [Борхес, 2005, с. 498]. Глагол *arrebatar* в оригинальной фразе подчёркивает силу рокового порыва: время – река, которая «похищает», «вырывает с корнем» [Moliner, 1998, с. 250].

Однако, фраза из «Вавилонской библиотеки», рассказа, в котором он уподобляет Вселенную вечной и незыблемой Библиотеке, в некоторой степени примиряет библиотекаря и великого писателя с неизбежностью ухода из этого мира. «Que el cielo exista, aunque mi lugar sea el infierno. Que yo sea ultrajado y aniquilado, pero que en un instante, en un ser, Tu enorme Biblioteca se justifique» [Borges, 1995, с. 112]. «Пусть существует небо, даже если мое место в аду. Пусть я буду погран и уничтожен, но хотя бы на миг, хотя бы в одном существе твоя огромная Библиотека будет оправдана» [Борхес, 1992, с. 149; Бурак,

2019, с. 150].

А осознанность, присутствие в данном мгновении признаётся Борхесом в унисон со многими течениями современной психологии и представителями различных религиозных и философских традиций одним из главных принципов бытия.

Заключение

Рассмотренные в данной статье произведения Х. Л. Борхеса описывают многогранность нашего сознания, его противоречивую природу. Данное противоречие оказывается непосредственно связанным с восприятием нами времени.

Сам автор в заключении «Нового опровержения времени», в котором им были представлены многочисленные доказательства «несуществования» времени как метафизической субстанции, говорит о своём бессилии перед его неумолимым ходом [Борхес, 2005; Borges, 1952]. «El tiempo es la sustancia de que estoy hecho» [Borges, 1952, с. 124]. «Мы сотканы из вещества времени», – говорит Борхес [Борхес, 2005, с. 498]. Заметим, что перевод этой фразы на русский язык удачно дополняет оригинал и делает мысль автора более рельефной. В оригинальной фразе значение «сделан» (букв. «время – субстанция, из которой я сделан») выражается грамматически: путём употребления конструкции *estar hecho*, выражающей состояние и результат действия. В переводе же на русский высказывается та же идея, но акцент смещается в сторону мифологии, присущей стилю автора.

В рассказе «Сад расходящихся тропок» Борхес представляет время как лабиринт с разветвлённой структурой, в рамках которой оказывается возможным одновременное существование всех вариантов развития событий. Значимым здесь оказывается то, что в романе Цюй Пэна не разу не встречается слово «время» [Борхес, 2005; Borges, 1952].

Многочисленные возможности трактовки данного произведения связаны с присутствием в нём литературно-философского интертекста. Он включает как аллюзии на другие произведения, так и на философские воззрения Лейбница и Св. Августина.

Принцип «китайской шкатулки» (повествование внутри повествования, лабиринт в лабиринте), интертекст и мотив вторжения в чужой мир вносят свою лепту в создание особого хронотопа с многослойной символикой. Актуальным здесь оказывается нелинейный нарратив [Красина, 2019].

Каждое из ментальных пространств в рассказе представляет как бы отдельную реальность. И тем не менее, они связаны между собой единой нитью повествования. Каждое «событие» – есть настоящее своего момента.

«Каждый шаг является целью», – говорит Борхес устами Парацельса в рассказе «Роза Парацельса» [Борхес, 1992, с. 568; Borges, 1998]. «Cada paso que darás es la meta» [Borges, 1998, с. 14]. И это уменьшает противоречие между неумолимым ходом времени и его иллюзорностью. Заметим также, что в оригинальной испанской фразе присутствует устойчивое сочетание *dar un paso* (букв. «дать шаг»). Агентивный характер испанского глагола *dar* (как и в случае с глаголом *arrebatar*) создаёт особый колорит, а вся фраза оказывается наполненной глубоким содержанием.

Рассмотренные нами произведения ставят перед читателем глобальные проблемы философского характера и заставляют очередной раз задуматься об уникальности каждого мгновения бытия.

Представляется важным также отметить то, что именно «внутренняя» структура текста, лексический состав фраз и, как справедливо замечает, в частности, выдающийся представитель когнитивной лингвистики, Р. Лангакер, их грамматическая структура подчас способствуют моделированию высказывания и порождению смыслов [Langacker, 2008]. Таким образом, не только авторский замысел, философская или метафизическая «начинка», не только полёт творческой фантазии, но и сугубо языковые приёмы построения фраз формируют индивидуальность стиля. Что мы и попытались продемонстрировать в данной статье.

Разумеется, предложенный нами анализ не исчерпывает множества возможных трактовок. Это лишь попытка приблизиться к восприятию времени в произведениях Борхеса.

Возлагаем надежду на то, что наше исследование внесёт лепту в изучение его творчества и может быть интересным для тех, кто занимается междисциплинарными исследованиями на стыке языкознания, литературы, философии и культурологии. Также оно может быть полезным для всех, кто изучает испанский язык.

Библиографический список

1. Багно В. Е. Хорхе Луис Борхес или тысяча и одно зеркало культуры // Борхес Х. Л. Рассказы; Эссе; Стихотворения. Пер. с исп. Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1992. С. 5–22.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва : Художественная литература, 1975. 809 с.
3. Борхес Х. Л. Рассказы; Эссе; Стихотворения. Пер. с исп. / сост., вступ. ст. Вс. Багно. Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1992. 639 с.
4. Борхес Х. Л. Собрание сочинений в 4 т. Том II. Произведения 1942–1969. Пер. с исп. Санкт-Петербург : Амфора, 2005. 847 с.
5. Бурак М. С. Некоторые аспекты интертекстуальных связей в творчестве Х. Л. Борхеса и У. Эко на материале рассказов Х. Л. Борхеса «Роза Парацельса» и «Вавилонская библиотека» и романа У. Эко «Имя розы» // «Оригинальные исследования» (ОРИС). 2019. № 11. С. 144–151. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-11-2019/a229832> (дата обращения: 22.06.22).
6. Бунин И. А. Рассказы. Москва : Художественная литература, 1978. 351 с.
7. Вересаев В. В. Повести и рассказы. Москва : Художественная литература, 1987. 384 с.
8. Красина Е. А. «Сюжет» Х. Л. Борхеса: опыт интертекстуального прочтения / Е. А. Красина, О. С. Чеснокова // Вестник Томского университета. Серия: Филология. 2019. № 57. С. 206–223. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhet-h-l-borhesa-opyt-intertekstualnogo-prochteniya> (дата обращения: 22.06.22).
9. Berkeley G. A treatise concerning the principles of human knowledge. Part I. Dublin: Printed by Aaron Rhames for Jeremy Pepyat, bookseller in Skinner-Row, 1710.
10. Borges J. L. Artificios. Madrid : Alianza Editorial S. A., 1995. 95 p.
11. Borges J. L. La memoria de Shakespeare. Madrid : Alianza Editorial S. A., 1998. 23 p.
12. Borges J. L. Narraciones. Madrid : Ediciones Cátedra S. A., 1995. 255 p.
13. Borges J. L. Nueva antología personal. Barcelona : Editorial Bruguera S.A., 1980. 285 p.
14. Borges J. L. Otras inquisiciones. Buenos Aires : Destino Emecé, 1952. 182 p.
15. Fauconnier G. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. New York : Basic books, 2002. 464 p.
16. Hume D. A treatise of human nature: being an Attempt to introduce the experimental Method of Reasoning into Moral Subjects. Vol I. Of the Understanding. London : Printed by John Noon, at the White-Heart, MDCCXXXIX. 368 p.
17. Langacker R. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2008. 562 p.
18. Leibniz G. Nuevo tratado sobre el entendimiento humano. Buenos Aires : Aguilar, 1972. 65 p.
19. Lucretius T. C. De rerum natura. London: Heinemann, 1931. 537 p.
20. Mateos Z. La filosofía en la obra de Jorge Luis Borges. Buenos Aires : Biblos, 1998. 125 p.
21. Moliner M. Diccionario de uso del español. T. 1. Madrid : Editorial Gredos, 1998. 1519 p.
22. Moulines Ulises C. El idealismo más consecuente

según Borges: la negación del tiempo // Jorge Luis Borges. Pensamiento y saber en el siglo XX. Madrid : Ed. Vervuet Iberoamericana, 1999. P.180-185

23. Pantoja Meléndez J. El tiempo en un cuento de Borges: “El jardín de senderos que se bifurcan” // *Thémata. Revista de Filosofía*. 2012. № 45. P. 303–318. URL: http://institucional.us.es/revistas/themata/45/art_20.pdf (дата обращения: 22.06.22).

24. San Agustín. Confesiones. Introducción, traducción y notas de Alfredo Encuentra Ortega. Madrid : Gredos, 2010. 701 p.

25. Zi Z. Chuang Tzu, mystic, moralist, and social reformer. Translated from the Chinese by Herbert A. Giles. London : Bernard Quaritch, 1889. 467 p.

Reference list

1. Bagno V. E. Horhe Luis Bor-hes ili tysjacha i odno zerkalo kul'tu-ry = Jorge Luis Borges or one thousand and one mirrors of culture // Borhes H. L. Rasskazy; Jesse; Stihotvorenija. Per. s isp. Sankt-Peterburg : Severo-Zapad, 1992. S. 5–22.

2. Bahtin M. M. Voprosy li-teratury i jestetiki. Issledovanija raznyh let = Problems of literature and aesthetics. Studies of different years. Moskva : Hudozhest-vennaja literatura, 1975. 809 s.

3. Borhes H. L. Rasskazy; Jesse; Stihotvorenija = Stories; Essays; Poems. Per. s isp. / sost., vstup. st. Vs. Bagno. Sankt-Peterburg : Severo-Zapad, 1992. 639 s.

4. Borhes H. L. Sobranie so-chinenij v 4 t. Tom II. Proizvedenija 1942–1969 = Collected works in 4 vols. Volume II. Works 1942–1969. Per. s isp. Sankt-Peterburg : Amfora, 2005. 847 s.

5. Burak M. S. Nekotorye as-pekty intertekstual'nyh svjazej v tvorčestve H. L. Borhesa i U. Jeko na materiale rasskazov H. L. Borhesa «Roza Paracel'sa» i «Vavilonskaja biblioteka» i romana U. Jeko «Imja rozy» = Some aspects of intertextual relations in the works of J. L. Borges and U. Eco in the stories of J. L. Borges «The Rose of Paracelsus» and «The Library of Babel» and the novel «The Name of the Rose» by U. Eco // «Original'nye issledovanija» (ORIS). 2019. № 11. S. 144–151. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-11-2019/a229832> (data obrashhenija: 22.06.22).

6. Bunin I. A. Rasskazy = Stories. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1978. 351 s.

7. Veresaev V. V. Povesti i rasskazy = Novels and stories. Moskva : Hu-dozhestvennaja literatura, 1987. 384 s.

8. Krasina E. A. «Sjuzhet» H. L. Borhesa: opyt intertekstual'nogo prochtenija = «The Plot» by J. L. Borges: intertextual reading experience / E. A. Krasina, O. S. Chesnokova // *Vestnik Tomskogo uni-versiteta. Serija: Filologija*. 2019. № 57. S. 206–223. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhet-h-l-borhesa-opyt-intertekstualnogo-prochteniya> (data obrashhenija: 22.06.22).

9. Berkeley G. A treatise concerning the principles of human knowledge. Part I. Dublin: Printed by Aaron Rhames for Jeremy Pepyat, bookseller in Skinner-Row, 1710.

10. Borges J. L. Artificios. Madrid : Alianza Editorial S. A., 1995. 95 p.

11. Borges J. L. La memoria de Shakespeare. Madrid : Alianza Editorial S. A., 1998. 23 p.

12. Borges J. L. Narraciones. Madrid : Ediciones Cátedra S. A., 1995. 255 p.

13. Borges J. L. Nueva antología personal. Barcelona : Editorial Bruguera S.A., 1980. 285 p.

14. Borges J. L. Otras inquisiciones. Buenos Aires : Destino Emecé, 1952. 182 p.

15. Fauconnier G. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. New York : Basic books, 2002. 464 p.

16. Hume D. A treatise of human nature: being an Attempt to introduce the experimental Method of Reasoning into Moral Subjects. Vol I. Of the Under-standing. London : Printed by John Noon, at the White-Heart, MDCCXXXIX. 368 p.

17. Langacker R. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2008. 562 p.

18. Leibniz G. Nuevo tratado sobre el entendimiento humano. Buenos Aires : Aguilar, 1972. 65 p.

19. Lucretius T. C. De rerum natura. London: Heinemann, 1931. 537 p.

20. Mateos Z. La filosofía en la obra de Jorge Luis Borges. Buenos Aires : Biblos, 1998. 125 p.

21. Moliner M. Diccionario de uso del español. T. 1. Madrid : Editorial Gredos, 1998. 1519 p.

22. Moulines Ulises C. El idealismo más consecuente según Borges: la negación del tiempo // Jorge Luis Borges. Pensamiento y saber en el siglo XX. Madrid : Ed. Vervuet Iberoamericana, 1999. P.180-185

23. Pantoja Meléndez J. El tiempo en un cuento de Borges: «El jardín de senderos que se bifurcan» // *Thémata. Revista de Filosofía*. 2012. № 45. P. 303–318. URL: http://institucional.us.es/revistas/themata/45/art_20.pdf (data obrashhenija: 22.06.22).

24. San Agustín. Confesiones. Introducción, traducción y notas de Alfredo Encuentra Ortega. Madrid : Gredos, 2010. 701 p.

25. Zi Z. Chuang Tzu, mystic, moral-ist, and social reformer. Translated from the Chinese by Herbert A. Giles. London : Bernard Quaritch, 1889. 467 p.

Статья поступила в редакцию 03.05.2022; одобрена после рецензирования 22.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 03.05.2022; approved after reviewing 22.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.